

МИХАИЛ ФРОЛОВ

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

СТАЛИНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИЖНО-ГАЗЕТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1947

Цена 2 р. 50 к.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00818322

0

8(c)12

32B9

Ф-912,5-3.р.

МИХАИЛ ФРОЛОВ

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

Стихи

ПРОВЕРЕНО

ЦНБ 1948 г.

Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ
Inv. № 312152

ПРОВЕРЕНО
ЦНБ 194

Сталинское областное
книжно-газетное издательство
1947

58

ЖИВАЯ ВОДА

1.

Ее в гестапо душегубы
Пытали. Повели на казнь.
Но, будто в камень превратясь,
Она молчала, стиснув зубы.
... Веселым голосом металла,
Быть может, потому Донбасс
Заговорил опять сейчас,
Что эта девушка молчала.

2.

Живая вода, о которой не раз,
Склонив очарованно голову набок,
Мы слышали в детстве от сказочниц-бабок,
Мечтою наивной казалась для нас.
Но жизнь совершенствует разум,—она
Его поднимает к полету, как птицу,—
И зоркости острой засветит зарницу,
Чтоб мудрость открылась до самого дна.

Я знаю теперь, что живая вода—
Не вымысел сказочниц седеньких наших:
Она после дней оккупации страшных
Вливается светлой рекой в города.
Прими благодарную песню сердец,
Наставница-жизнь, от шахтеров Донбасса:
— Спасибо за то, что заря не погасла,
Что стягов победных пылает багрец!
Спасибо за вечную радость труда,
За мудрость, за школу борьбы и познаний!..
И сердце мое и развалины зданий
Опять воскрешает живая вода.
Откуда она? Из какого колодца?
Какая над нею сверкает звезда?
... Я знаю теперь, что живая вода
Любовью к Отчизне сегодня зовется.

3.

О нем не будет сказано в истории,—
Пусть он живет хотя б в моей строке...
Он согревал друзей моих, которые
Всю зиму стыли на колошнике.
Монтировали, сваривали, резали...
А он, пылая, был для мастеров
Дороже всех, описанных в поэзии,
Ночных, лесных и всяческих костров.
От фурм и „лётки“ до большого конуса
Воскресла домна...

Был весны канун.

Лед на Донце навстречу морю тронулся,
А нам навстречу тронулся чугун.
Мы говорили о своей победе,
О днях труда и о ночах тревог,—
Лишь о костре не вспомнили в беседе,
А, между тем, он здорово помог!

4.

Разве можно забыть о том,
Как она вырастала быстро—
Под весенний пневматки гром,
В голубых автогенных искрах?
— Ну—сказали мы ей. —Живи!
Домна новая в сутки давала
(подставляй ковши—да лови!)
Больше тысячи тонн металла.
... Загремела,—скажи ты! —война,—
Дым сражений—уже в Донбассе...
Как же домна теперь должна?
— Пусть,—решили мы,—пусть погаснет!..
Жаль увечить свое добро...
Почернев от тоски и печали,
Остудили мы ей нутро,
Газопровод слегка порвали.
Так и замерла—без тепла!
Бились гитлеровцы. Потели.
Не смогли растопить „козла“—
Никакой не достигли цели.
А поскольку фашистам пришлось
Убираться (делишки-то худы!)—

Так они нашу домну насквозь
Изуродовали, паскуды...
Но, товарищ, любая беда
Поправима. Преград нам—нету!
Много мы положили труда,
Воскрешая бедняжку эту.
Не считали часов на дню,
Удалили „козла“ громаду,
Заварили на совесть броню,
Все колонны опорные кряду ...
Что еще мне, товарищ, сказать?
Снова домна красавицей стала,—
И скажи ты! —дает опять
Довоенную норму металла.
То ли будет еще у нас!
Много бодрости в сердце нашем:
Расцветет, засияет Донбасс,
Пятилеткой четвертой украшен.
То ли будет у нас впереди!
У меня убежденье—такое,
Что со сталинской искрой в груди
Можно выполнить дело любое.

5.

Была испуганно-глазастой
И грустной чуточку была,
Когда приехала в Донбасс ты
Из прикарпатского села...
Гнездо родное не забыто,
Родные помнятся места,

Но, как гуцульская трембита,
Гудок рудничный дорог стал.
На шахте—запах древесины,—
Он слалок в угольной пыли...
Неужто сосны Буковины
Вслед за тобою к нам пришли?
Ложась старательно и ровно
В стропил и срубов переплет,
Сверкают тесанные бревна
На шумном празднике работ.
Все стало здесь тебе знакомо,
Глаза твои и тут ясны,—
С тобою мы везде, как дома,
Там, где мы Родине нужны.
Легко-ль забыть Карпат вершины?
Но ты у нас решила жить...
Да!.. Счастье тихой Буковины
В Донбассе надобно растить!

6.

Старик мечтал, склоняясь над столом,
О мраморе и о метлахской плитке.
А где то рядом рывкали зенитки,
От страшных взрывов распадался дом.
Среди людей тревожно-торопливых
Спешил в убежище, переступая кровь,—
Он знал, что нам понадобится вновь
Его мечта о городах красивых.

Ушла война—и дымна и багрова,
Гудки заводов ожили, трубы...
Ты прав, старик, что сохранил себя:
Твоя мечта понадобилась снова.
Каркасы зданий погнуты, в извивах,
Но жизнь зеленым проросла стеблем,
И ты опять склонился над листом—
Проектом дома
для людей счастливых.

7.

В звоне бревен, в песнях комсомолок,
В музыке кузнечиков степной,
Под советской радостной звездой
У завода строится поселок.
Что здесь будет?.. Мирные беседы,
Сладкий отдых и спокойный сон,—
Но всего дороже то, что он
Будет назван именем Победы!
А какая птицам благодать:
Щебет звонкий и зимой и летом...
Совестно нам будет счастье это
Населенным пунктом называть.
Видишь, в небо голубое взвился
Долгожданный первенец—дымок?..
Может быть, такой вот городок
В блиндажах солдатам нашим снился.

В громе, рокотавшем без умолку,
Шли они к Берлину под огнем.
И своей победой над врагом
Дали имя нашему поселку.

8.

В густом дыму военного пожара
Он сталь варил—Донбасса гордый сын.
Случилось так, что слава сталевара
Пришла с бойцами нашими в Берлин.
И толковали у своих орудий
Рассчетов орудийных „номера“:
— Знать, не напрасно говорили люди,
Что хороши в Донбассе мастера!..
Бойцы домой приедут—и на старых,
Родных местах—решительно во всем—
Заметят сталь донецкую: в ангарах,
В комбайнах, в жатках, в буре нефтяном,
Заметят сталь донецкую в турбине..
И снова скажут хлопцы от души:
— Не даром говорили мы в Берлине,
Что мастера в Донбассе хороши!..

ЗОЛОТЫЕ РУКИ

1.

Вы собрались опять у меня за столом...
Расскажите, друзья мои—честные мужи,
Как одной плащпалаткой укрывались втроем,
Как зеленую воду делили из лужи.
Как немецкие танки в орудийных громах
Вы не только гранатами,

но и ненавистью взрывали...

А потом—побеседуем мы о делах,
За которыми руки у вас тосковали:
Как завод возродится и отстроится дом,
Расцветут палисадники белой вишней,
Как на море Азовском песню с вами споем,
Как ударит волна в лодки звонкое днище...
... Начинается мирная наша страда
За себя—и за тех,

Кто на битву ушел без возврата.

И опять запоет

Под живительным солнцем труда,
Опаленное бурей
Горячее сердце солдата.

2.

Солдат на Родине опять.

С войны вернулся. В шрамах.

— Попробуй,—говорит,—сыскать

Людей, как мы, упрямых!..

Родной очаг сожжен врагом,

Пустырь на этом месте.

Солдат берется строить дом—

Добротный, лет на двести.

Есть в топоре, в пиле тугой

Магическая сила:

Растут, как в сказке, под рукой

Могучие стропила.

Соседи тут же. Каждый рад

Помочь в работе тяжелой.

С друзьями трудится солдат

До пота на рубашке.

Потом отложит ватерпас,

Оглянется—и ахнет:

„Подумать только! Весь Донбасс

Щеной сосновой пахнет.“

Так пой же, пой нод топором,

Сосна тугой струною,—

Так выростай же, новый дом,
Людей дивя красою,—
Снопам малых солнц—лучей
Сверкайте стекла в рамах...
Нет на земле нигде людей
Таких, как мы упрямых!

3.

Старику-виноделу не спится.
Почему же не спит старина?
Заказала ему столица
Океан искрометный вина.
Суется машин ватаги...
Что везут? Что лежит на дворе?
Это—груды душистой влаги
В голубой, как мечта, кожуре.
Винодел их сольет воедино,
Хмелем сладким снабдит—золотым,
Чтоб токайские лучшие вина
Не сравнились с напитком таким.
Чтоб седой дегустатор угрюмый
Выпил крошечный самый бокал,
А потом, чтоб, как солнце в Сухуми,
Целый день от восторга сиял.
Чтоб изделие знатного деда
Заслужило бы славу в стране:
Дескать, марки высокой „Победа“
Это чудо достойно вполне.

Звенят рабочей сутолоки звуки...
 Да будет славен мирный труд жнеца,
 И чудотворный молот кузнеца,
 И садоводов золотые руки!
 Стрекохут жнейки в волнах золотых,
 На чьей то крыше кровельщик, как анет;
 Заметил все солдат наш—фронтовик,
 С войны в село родное возвращаясь.
 Вот и село. Вот кузница в дыму,
 В узорах давней копоти и пятен.
 Заходит воин в кузницу. Ему
 Дымок знакомый сладок и приятен.
 Старик с мальчишкой у мехов стоят.
 Дед руку жмет: „Ты что служивый, здешний?
 — Да, я кузнец ваш!—говорит солдат,
 Берет, волнуясь, молоток и клещи.
 Благословен веселый час труда!
 Дед чуть не пляшет,—даром, что усталый:
 — Вот это мастер! Это братцы, да...
 Заткнет за пояс и меня, пожалуй!
 Старик ликует—седоусый, милый,—
 Что жив солдат, пройдя буран свинца,
 Что чудотворный молот кузнеца
 Не потерял ни меткости, ни силы.

5.

Ключи, пуансоны и клещи лежат,
 Слепя красотой строговатой своею.
 Наставник сурово глядит на ребят
 И молвит:—Запомните, хлопцы, идею,—
 С металлом поладить старайтесь, друзья,—
 Металл пригодится ко всякому делу...
 Напильником мастер играет, скользя
 По гаечным граням, по медному телу.
 Старик подгоняет к детали деталь...
 Для хлопцев урок не останется втуне:
 Недаром пленила их звонкая сталь
 И солнце холодное желтой латуни.
 Глядят слесарята. Любой возбужден,
 Взрослея немного и делаясь строже,—
 И думает каждый о том, что и он
 Когданибудь станет искусником тоже.

6.

Строил Спассгую башню созидатель—народ.
 Украшая резьбой амбразуры и дверцы,
 Это он от своих музыкальных шедрот
 Дал громадине этой поющее сердце,
 Чтоб гремела курантами вечно она,
 Пробуждая весь мир ото сна...
 И завод мой—гигант—строил также народ:
 Воздвигая его золотыми руками
 И металл выплавляя, он знал наперед,

Что не раз еще надо сражаться с врагами,—
Он ведь исстари знает, что недруг привык
Понимать лишь металла язык.
Славословлю, тебя созидатель-народ,—
Беспокойный творец и меча и орала.
По-орлиному зорко ты смотришь вперед,
Не оставишь пустым своего арсенала,
Чтоб вовеки-веков, чтоб в грядущем любом году
Мы с Победою жили в ладу.

НА РОДНОМ ЗАВОДЕ

1.

Латунь листовы тускнеет под дождем,
Остыла жизнь под тополей корою...
Но грусть—долой! Давай мечтать о том,
Как возродится все это весною.
Я вспоминаю сорок третий год:
В каких лежал развалинах завод!
Боль искажала нам гримасой лица,
Незримых слез накапливался ком,
Но мы упорно думали о том,
Что заново завод наш возродится.
Как мы трудились в отголосках гроз!..
Есть солнце в небе.

Есть душа в народе.
Жизнь заиграла на родном заводе,
Подобно сокам под корой берез.
Побеги холя, рост давая зернам
И светлый облик будням трудовым,

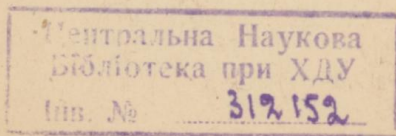
Нас согревает Родина своим
Социализма солнцем животворным.

2.

Только что дымился автомат
Танки мчались—грозные машины.
Бой затих.. Задумался солдат,
Озирая ржавые руины.
Слезы, что ли, застыт белый свет?
Был солдат над огненою Волгой,
Путь прошел от Сталинграда долгий
В цех родной, а цеха-то и нет...
Волновался паренек заметно:
Взять бы—засучить бы рукава!
Но судьба солдата такова,
Что работа для него—запретна.
Знал солдат: военную страду
Кончишь только у рейхстага где-то.
Знал солдат, что к мирному труду
Нет ему дороги, кроме этой.
И пошел он гневен и неистов,
Чтоб в Берлине завершить поход...
Чем ни больше падало фашистов,
Тем быстрее воскресал завод.

3.

Над ним работал ленинградский мастер,
А вынес тяжесть—да какую,—он:
Блокады страшной грозное ненастье,
И смерть жены и горечь похорон.

Шагал сквозь дым вечерней полумглы,
Барахтаясь в сугробов толще вязкой...
О, как легки с покойницей салазки,
А вместе с тем, как всеже тяжелы!
Похоронил. Заплакал от обиды.
Побрел назад. Смотрели вслед ему,
Глазами каменными всматриваясь в тьму,
Промерзшие дворцов карнатиды.
И снова цех... Бросая искры врозь,
Кипел чугун побед грядущих ради...
Так турбогенератора сбылось
Рождение в великом Ленинграде.
Был через год освобожден Донбасс,—
Тот генератор после дней зловещих
Дал первый ток, зарей сверкнул у нас
В цехах завода, из руин воскресших.
Мы снова стали выпускать металл...
Молва в Донбассе грянула прибоем,
Что ленинградский мастер воевал,
Как подобает воевать героям.

4.

До слез было жадь, что не мог оторваться
От жаркой печи, за металлом следя.
Не слышал ни речи, ни гула оваций,
Рокочущих вслед за словами воедя.
Но труд сталевара с лихвою, сторицей
Заботливой Родиной был награжден:

У самого сердца Отчизны—в столице
С вождем и учителем встретился он...
До слез было радостно Сталина видеть!
Смутясь, сталевар растерялся почти,
О той ненароком обмолвясь обиде,
Что к радио в цехе не смог подойти.
А вождь улыбнулся—и тоном поправки
Шутливой—заметил:—полезная речь,—
Но ради такой замечательной плавки
И я бы не бросил, поверите, печь!..
Смотрел сталевар и не мог оторваться—
„Так вот он отец всенародной семьи!“—
Опять почему-то не слышал оваций,
Хотя аплодировал вместе с людьми.

5.

Впереди нелегкие дороги,
Но за ними—чудо, а не жизнь...
Первой строчкой мы стоим в прологе
Книги—под названьем Коммунизм.
Все пылает созиданья страстью:
Сталь бурлит и плавится чугуи,
День встает и радостен и юн
Над страной, шествующей к счастью.
Верю я мечте, как маяку:
Может быть, еще при нашей жизни
Впишем в этой книге—в Коммунизме—
Незакатной радости строку.

6.

Где широкие окна восстановленных зданий
Отражают закат, словно плесы спокойные рек,
На пригорке зеленом стоит человек,
Озаренный сиянием воспоминаний.

В небе высятся домны

и громады газгольдеров—башен,

Где то в море акаций—приютился его

коттедж..

Сколько с городом этим,

с замечательным городом нашим,

Было связано лучших, самых светлых надежд!

Но на город донецкий—металлургов гнездо

родовое,

Нестерпимого грохота и отравного яда полна,

Докатилась, дошла, самолетами яростно воя,

Порождение фашизма—война...

Сколько отдано сил,

Чтоб завод возродить из развалин,—

Сколько мы потрудились,

Чтобы снова пришло торжество!

Это мудрость твоя воплотилась в деяниях,

Сталин!

Это—воля народа. Золотое богатство его.

...Опускаются сумерки. Голубая заря в
электродов
Над цехами трепещет, вся живая,
прозрачная вся,—
И стоит человек,
очарованный мощью завода,
Имя Сталина произнося.

ДОРОГА НА ЗАПАД *)

Война—не только ненависть и гнев.
... Крик ястребов, и щебет птичьих хоров,
И шорох кленов, и сосновых боров
Густой виолончелевый напев,—
Мальв огоньки, дымок над крышей хаты,
Зеленый пруд, рябиновый расцвет—
Находит все и отзвук и привет
В душе полуоглохшей у солдата.
Еще сильнее полюбил Андрей
Родные реки и полей раздолье,—
В сияющем, как солнце, ореоле
Он видел славу Родины своей,
Была она как яблоня в цвету,
Но в громе маршей праздничных и песен
Учила нас не близорукой спеси,
А твердой вере в нашу правоту.

*) Отрывок из поэмы „Сын земли донецкой“.

„Спасибо ей—Отчизне нашей милой!—
Стрельбицын думал в эти дни не раз—
Она к войне вооружила нас
Не шапкозакидательством, а силой...
Спасибо ей—Отчизне нашей милой!“.

* * *

„Ты мало прожил? Знаю это так,
Но тем смелее в бешестве атак
Ты должен быть. Так поднимайся к бою!
Встань, прегради дорогу смертной мгле.—
Пусть рабская привязанность к земле
Не властвует, товарищ, над тобою“,—
Вставал, себя ослушаться не смея,
Гремучей тучей двигался на дот—
И умолкал немецкий пулемет,
Подорванный гранатами Андрея.
Был трижды ранен воин молодой,
Но все же боли не знавал жесточе,
Острее, грознее и страшнее той,
Какой Донбасс ему ударил в очи.
Хотя-б сказал какой нибудь оракул,
Какое горе стерегло бойца:
Став у могилы своего отца,
Слез не стыдясь, как женщина, заплакал.

Завод—в руинах, а над щебнем школ
Несчастья дым четвертый день струится,—
Забит телами мучеников ствол
На шахте... Видит все это Стрельбицын.
На всем—разбоя черная печать.
Здесь каждый встречный—бледен и измучен,—
Наверно, было не легко дышать
Неутоленной ненавистью жгучей.
Сказала мать, что кто-то клуб поджег
Недели за две до прихода наших,—
С тех пор не видно Солнцевой Наташи,
Не показалась разу на порог.
Он стал искать следы своей Натальи:
Вдали какая б девушка ни шла—
Сейчас же сердце ёкнет: „Не она-ли?“
— Нет, не она!—и нет в душе числа
Проклятиям немецкой стае волчьей.
— Крепись, Андрей—он сам себе сказал.
— Креплюсь,—ответил. Дом покинул молча
И по дороге к фронту зашагал.

... Пойдем с тобою дальше по страницам—
В поля Полтавы, где огонь и дым,
Где довелось Стрельбицыну сразиться
С каким то швабом (все равно с каким).

* * *

Вгрызаясь в сталь немецкой обороны,
Лобатых танков выставив заслоны,
Пехота перебежками идет:
— За Родину, за Сталина—вперед!!
... Андрей и немец на колхозной пашне,
Где молочая чахла зеленца,
Сцепились насмерть в схватке рукопашной,
Боезапас растратив до конца.
Андрей, Андрей, неужто кончен путь?
Неужто силы больше у фашиста?
Уже колено острое на грудь
Тебе поставил враг ненавистный.
Ты видишь щёки в рыжих волосках
И дрожь двойного подбородка—зоба,—
Но нет у немца торжества в глазах,
А только—страх. Животный страх и злоба.
Страх этот немцу внутренности гложет...
Смотри, Андрей: вот это существо
Отца убило твоего, быть может,—
А, может быть, не только твоего...
Ты должен немца одолеть, Андрей:
Страхни с себя убийцу—и убей!..

* * *

Есть в ненависти сила разрывная,
Страшнее пули разрывной она...
Андрей напрягся:—Помоги, родная!
Дай мне свое могущество, страна!

И захрустели кости у фашиста,
Зажатые в железное кольцо,
И наливалось чернотой землистой
Веснушчатое рыжее лицо.
Слова проклятий бормоча бессвязно,
Земли сухие комья до отказа
Андрей врагу в открытый зев сует,
Пока у твари оловянноглазой
Землею он законопатил рот.
А бой гремел все дальше затихая...
Андрей протер опухшие глаза.
Встал и на Запад зашагал, хромая,
Как воплощение мести, как гроза.
Он новых битв, как праздников, искал
И если бил, то только наповал
(Так завещали прадеды и деды).
На всем пути его сопровождал
Орудий грохот—благовест Победы.

ЗВЕНИ, БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ ТВОРЦА...

От хилых и робких ростков зерна
Покорно, как милости, ждать урожая —
К чему нам бесцветная доля такая
Нужна?..

Звени, беспокойное сердце творца!
Ищи и дерзай, подчиняй беспорядок,
Властителем будь в этом мире загадок,
Где разум не все осветил до конца,
Смотри, озирайся—и глубже и шире, —
Где надобна смелость—шагай напролом,
Чтоб пашня, и домна, и вишня, и дом —
Чтоб все это было

невиданным в мире.

Пусть будет уделом твоим на планете —
Не жить, а гореть

светоносным огнем, —

И умереть, сожалея о том,
Что мало пришлось поработать на свете.

Он говорит ученикам:—Смешно,
Друзья мои, от старости лечиться, —
Ты умираешь, а в твоё окно
Начало жизни молодой стучится,—
Таков закон природы и земли...
Старик умолк,
Ученики ушли.
Смежая веки грузные на миг,
Листая книгу жизни долголетней,—
„Ты умираешь,—думает старик,—
Как отмирают на деревьях ветви,
Но все же сердце не умрет твоё,
Оно в делах потомков не остынет:
Войдет цветами в каждое жильё,
Наполнит птичьим щебегом пустыни,
Оно в тарелках вспыхнет на столе
Твоих бель-флеров розовою грудой,—
И воцарится праздник на земле
И люди скажут:—Совершилось чудо...

Ты навсегда останешься в строю
С могучей неистраченной мощью".
... Старик, покинув комнату свою,
Выходит звонкой поступью на площадь
И застывает в бронзе, средь зимы
Не подчиняясь дуновеньям бури,
И на граните постамента мы
Читаем, вслух произнося:

— Мичурин.

1941 г.

Вот и конец... И некому рыдать.
Ты сделал все, на что хватило силы.
Пылит пурга. Одна она, как мать,
Стоит и плачет у твоей могилы.
Кончается бесплодная борьба.
Растает все, как отдаленный выстрел:
И небо—грустное, как вся твоя судьба,—
И лед—холодный, как глаза министров.
О, крохоборы... Скоро погребет
Полярный снег Георгия Седова,—
Как хорошо: что надобность пройдет
К вам за подачкой
 обращаться снова!

30

Он нам оставил мысль и чертежи,
Он прожил век по-ленински мечтая,
А, между тем, сидел в такой глуши,
Где нет, быть может, и сейчас трамвая.
В России царской—худосочной, тощей.
Был сопричислен к сонму чудаков,—
А нам—помог он истреблять врагов
Радиактивных двигателей мощью.
...Когда нибудь построятся завод,
Окрасит небо полыханьем алым,
В цехах его идея обрстет
Для нас еще неведомым металлом.
Сольется мысль с железом и огнем,
В мартенах вспыхнет огненная вьюга,
А люди будут вспоминать о нем—
О седовласом старце из Калуги.

Потом—ракета тронется в полет,
Она исчезнет в небе августовском,
А ей вослед народ произнесет
Стремительное имя:

— Циолковский!..

1941 г.

МОЛОДОЙ ГЕОЛОГ

Диплом в руках. Искатель колчедана,
Как говорят, сидит на чемоданах...
Он на Алтае не бывал ни разу, —
Какой там климат? Что там за народ?
Берет перо и пишет синеглазой,
Которая в провинции живет:
„Последний вечер нахожусь в столице,—
Сейчас я мог бы написать стихи...“
Потом—слова о сердце, о ресницах,
И много всякой милой чепухи.
Закат веселый над столицей тает,
Скрипит перо в уютной тишине...
...Мы вместе с ним охотно помечтаем
О свежих ветрах странствий по стране.
Подружит он с гудящими лесами,
Привыкнет в даль лиловую шагать,
И песни петь под кедрами с друзьями,
И у палатки ночи коротать.

И там, где сумрак по тропинкам бродит,
Он будет очарован до утра
Зеленым буйством матери—природы
И теплым дымом яркого костра.
И, может быть, в таежном бездорожье,
Где рысь во мгле колючий щурит глаз,
Найдет металл, что золота дороже
И крепче стали в полтораста раз.
Да мало-ли хорошего случится
У знойных скал и у студенных рек!..
Он на кровать с улыбкою ложится—
И все мечтает, не смыкая век.
Но всеже сверстник засыпает мой,
Как перед боем воин молодой.
1939 г.

СТАРЫЙ МАСТЕР

Он знал: в Донбассе—пусто и мертво,
На месте домен—ржавая могила,
Но и под небом Нижнего Тагила
Он верил в наше торжество.
И вот—мечта двухлетняя сбылась:
Врагов изгнала армия родная,
А с возвращеньем старика в Донбассе
Вселилась в сердце молодость вторая.
Трудясь, горя, он забывал о сне...
Цех воскрешая, улыбался ярко,
Когда легли на фурменной броне
Серебрянные швы электросварки,
Когда в могучем росте поднялись
Колонны, встав из праха, беспорядка, —
Когда взметнулась в облачную высь
Колошника гремящая площадка...
Четыре дня не уходил домой,
Не покидал и по ночам штурвала,

Пока сверкнуло в „лётке“ горновой
Расплавленное солнышко металла.
Опять бурлит чугунная река!..
Слезинку мастер обронил в начале:
Не так уж часто в жизни старика
Такие дни счастливые бывали.
Смахнул слезу и, глядя на огни,
Сказал друзьям задумчиво и строго:
— Пробьют в Берлин, я думаю, дорогу
С металлом этим сыновья мои!

1944 г.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Осенние звезды цвели над Союзом —
Радостны и легки...
Всю ночь содрогались от груза
В лаве твоей рештаки.
Не встали еще быстроглазые дети,
Но заспанных птиц разбудил холодок,
Когда из клетки, накануне рассвета,
Ты вышел, отбойный неся молоток.
Над черным ковром трепетала
Зеленая капля—звезда...
Ты улыбнулся, товарищ, устало
И посмотрел туда,
Где птиц щебетала пернатая стая.
Гудком оглашая поля,
Помчал паровоз, учащенно вздыхая,
Твой эшелон угля.
Ты постоял, утомленный в борьбе,
Дыша, как на горном плато...

В то утро цветов не дарили тебе
И песен не пел никто.
Безмолвную клятву товарищи дали
На верность в труде и в бою, —
Домой провожая, товарищи жали
До хруста ладонь твою.
Тебя, победителя, солнце встречало...
В то утро никто не знал,
Что этот рекорд—коммунизма начало,
Что грянет великий шквал,
Что имя твое прогремит над землей,
Все песни затмив собой.

1940 г.

МОЛОДОСТЬ ГОДА

Крупные капли на мокрых ветвях,
Дерзкая смелость ручьев у оконца,
Скороговорка пернатых в полях,
Странная смесь непогоды и солнца.
Первый подснежник в стакане моем,
Снега последнего ком ноздреватый,
Новорожденный неопытный гром,
Пух на лозинах, белеющий ватой.
Дело простое скворешен и гнезд,
Сложное дело весеннего сева,
Золото крупных, как яблоки, звезд,—
Робкая проба грудного запева.
Неба омытого голубизна,
Шумная встряска в душе и в природе...
Что это—знаете?
Это—весна,—
Звонкий пролог урожайного года !

1940 г.

КТО МНЕ СКАЖЕТ ?

(Песенка девушки)

Когда над шахтой сумерки сгустятся,
Все в синеву окутают свою,
Приятно в парке с другом повстречаться,
Ждать три словечка: „Я тебя люблю...“
Шую, смеюсь, а между тем—вздыхаю:
„Когда-ж он догадается обнять?“
Как полюбить—я это понимаю,
Но кто мне скажет, как любимой стать ?
Какой хороший мой товарищ этот!
Одна беда, что—слишком деловит:
Он говорит про лужичевский метод,
Но почему-то о любви ... молчит.
Он для меня день ото дня милее,—
Я влюблена—к чему скрывать?—в него.
Но почему, ах, почему в аллее
Он о любви не скажет ничего?

Пою, смеюсь, а между тем --- вздыхаю:
„Когда ж он догадается обнять?“
Как полюбить—я это понимаю,
Но кто мне скажет, как любимой стать?
И вдруг—обнял! И вдруг — целует даже!
Губам горячим не дает остыть...
Как хорошо в стране советской нашей
Горнячкой быть — и горняка любить!

1946 г.

ДОРОГА

В дорогу, в дорогу!.. Полуторатонка
За ветром крылатым помчалась вдогонку.
Мы песню поем—и она, не смолкая,
Порхает над нами, как птица ручная.
Мы пыльною бомбой влетаем в село,
Где столько садов молодых расцвело,
Где видишь довольство и счастье кругом,
Где радио в хатах поет соловьем,
Где девушки—в платьях, как радуга, ярких—
Могли-б рассказать о подруге—доярке,
Которая, став на дороге с ковшом,
Полмира могла-б напоить молоком...
Мы едем...Шумят у дороги сады,
Влестят зеркалами в лощинах пруды,
Где карпы зеркальные ждут рыболова,
Где славно поплавать-бы, честное слово!
...Вот так бы и ехать: неделю—другую,
Глазами изведывать даль золотую,

В тайге побывать, покупаться в Днепре,
Где Киев стоит на зеленой горе...
В пути отдыхать у студеной криницы,
С прохожим шутя: „Разрешите напиться!“
Шоферу—товарищу дать папиросу,
Ответить улыбкой девченке курносой,—
С друзьями сидеть у ночного костра,
Спать беспробудно в лесу до утра,
А утром—в машине, в полуторатонке,
За ветром крылатым помчаться вдогонку.

1940 г.

ЗРЕЛОСТЬ

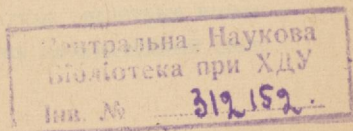
Она приходит с первыми снопами,
С последней розой в парке заводском,—
Она грозой рокошет над полями,
Играя каждым крохотным стеблем,—
А сад стоит, об'ятый созревaniem,
И деловитый ливень, не спеша,
Звения в железных водостоках зданья,
В листве дородной ласково шурша,
Понит усердно влагой сладковатой
Ржаную мягкость пористой земли...
Мы—отдыхая—слушаем раскаты
Умеренного грома, а вдали—
Мост семицветный в небе вырастает,
Изогнутый параболой тугой,—
И ты—такая нежная, простая,
Как небосвод у нас над головой,—
Ты разгадала трепетные мысли—
Моей души неомраченный свет,

Что жизнь проходит в календарных листьях
Но, как ни странно, а печали нет,—
Что зрелость года—это зрелость наша—
Пора спокойных полуночных снов,
Когда сединки возникают чаще,
Но в сердце—прежний щебет соловьев,—
Когда плоды не в силах удержаться,
Тяжелым градом падают с ветвей..
Да! Мы с тобою можем улыбаться
И радоваться зрелости своей:
Она трезвей относится к проказам,
Сыновней песней наполняет дом,
Обогащает и сердца и разум
И тешит нас— любовью и трудом.

1940 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Живая вода (цикл стихов)	3
Золотые руки (цикл стихов)	10
На родном заводе (цикл стихов)	16
Дорога на Запад (отрывок из поэмы „Сын земли донецкой“).	22
Звени, беспокойное сердце творца	27
Он говорит ученикам	28
Вот и конец	30
Он нам оставил мысль и чертежи	31
Молодой геолог	33
Старый мастер	35
Победитель	37
Молодость года	39
Кто мне скажет (песенка девушки)	40
Дорога	42
Зрелость	44

Редактор А. КЛОЧЧЯ

БН - 2791. Подписано к печати 10-II-1947 г.

Тираж 5 000. Об'ем 1,5 п. л.

Заказ № 461.

г. Енакиево. Типография № 6 Облполиграфиздата.

